

Сов. Ревю

— 1994 — 1 год — с. 6.

Пынешний ретроспективный показ фильмов грузинского режиссера Тенгиза Абуладзе на фоне современной жизни открывает новые грани картины и заставляет взглянуть на трилогию талантливого художника с новой точки зрения.

Тот грандиозный успех, который сопутствовал фильму «Покаяние» с выходом в свет почти десять лет назад, не только был отмечен высочайшими наградами и безудержно-хвалебной прессой, но и безапелляционностью выводов фрондирующей советской элиты: к покаянию! — к храму! К какому же храму звал этот фильм? И почему?

Постараемся ответить. Сложнейшая стилистика фильма в сплетениях реального и ирреального, фантазии с правдой жизни, виртуозная режиссура, поставившая происходящее в картине во вне-временные рамки, введение в фильм гротеска, эксцентрических приемов, фарса и буффонада, акцентированные сатирическое звучание его и многое другое, — все было отмечено критикой, ценителями искусства, и на Каннском фестивале 1987 года фильм был удостоен Большого специального приза жюри, приза ФИПРЕССИ и экumenической премии жюри. (Поясним: экumenизм — движение в основном протестантских церквей, поставившее целью объединение всех христианских церквей). Фильм удостоен был также главного приза на XX Всесоюзном кинофестивале в Тбилиси, и в 1988 году за кинематографическую трилогию — «Мольба» «Древо желаний», «Покаяние» Тенгиз Абуладзе получил Ленинскую премию.

Никто тогда не заметил абсурдности подобного премиального набора, более того, насмешки истории — ее обнаружило время.

Сам Тенгиз Абуладзе однажды сказал: «Будь на то моя воля, сегодня я бы демонстрировал трилогию в следующем порядке: сначала «Древо желаний», потом «Покаяние» и далее в качестве финала «Мольбу».

Давайте вспомним и мы в этой последовательности трилогию художника.

В основе фильма «Древо желаний», сделанного по воспоминаниям поэта Георгия Леонидзе, лежит мысль о вращении новой, данной революцией жизни в ткань народной нравственности, накопленной веками. Эта мысль нашла продолжение и в «Покаянии», главная тема которого — трагедия народа, отданного во власть диктатора. Абуладзе решает эту тему по своему, столкнув чудовищный гротескный образ диктатора Аравидзе с романтически озаренным, светлым и чистым обобщенным образом народным — семьи Баратели, раздавленной колесом репрессий. Этот коллаж рождает детей — сына Аравидзе Авелю и дочь Баратели — несчастную Кетаван, ставшую в фильме оружием мести, — именно она с настойчивостью маньяка выкапывает гроб с телом диктатора. Примечательно, вся огромная пресса, говоря о картине художника, писала в основном о Баратели, о трагедии репрессированных, как бы оставляя в

тени тему гробокопательства. По сути своей человеческой это понятно. Страшно. Ненастный мартовский день. Товарное депо на железнодорожной станции. Огромные штабеля леса на платформах. Седоволосая женщина в траурном платье лихорадочно ищет на желтых срезах огромных бревен имя дорогого ей человека.

Нино и Кети бегали вдоль груженных лесом составов... Фамилии Баратели не видно нигде. Усталые, отчаявшиеся Нино и Кети безнадежно кружили по территории стан-

ци. А там же, неподалеку, седоволосая женщина будто срослась с бревном. По лицу ее текли слезы, она часто-часто целовала на древесине надпись и что-то нежно шептала.

Эти кадры в фильме, сделанные в реалистичном манере, освящены глубоким состраданием, проникающим в душу зрителя, и тепло любви к героям, исходящее от автора фильма, создает поэтически проникновенную атмосферу победы гуманизма над злом.

Вторая тема: диктатор, от власти которого гибнут герои. Его зовут Аравидзе. В переводе это: никто. Или все по-немножку — Берия, Сталин, Муссолини, Гитлер, Пиночет. Этот обобщенный образ поставлен в рамки гротеска, фарса, буффонады, и здесь приемам художника нет конца. Но почему именно он — это исчадие ада, почему ему доверил режиссер читать гениальные строки Шекспира?

В ТЕНЕТАХ МЕСТИ

«Возвращаясь к кинотрилогии Тенгиза Абуладзе» — акты современного вандализма? Нужна ли горькая память о прошлом? Жестокая память об ошибках и преступлениях? Вот о чем, по существу, спрашивает фильм «Покаяние», писали тогда, в дни выхода фильма. Не согласиться с этим нельзя, но верно и то, что именно этот фильм открыл дорогу вандализму.

«Лишь когда Авелю Аравидзе, задыхаясь от непривычного труда землекопа, раскапывает могилу и вышвыривает труп отца и тот летит жалкой куклой кубарем с горы над спящим городом — возмездие, очищение произошло и вернуло человеку цельность».

Это написал В. Я. Лакшин, учивший читать Л. Толстого, А. Чехова, А. Н. Островского... Однако, судя по тому, что он слишком рано ушел из жизни, эти его строки не давали ему покоя. Ибо христианская мораль, воплощенная в русской литературе многих веков, предназначила Авелю путь, очевидно, иной: да, преступник-отец очертил тебе страшную участь и твой путь — на Голгофу презренья, но долг твой пройти этот путь, охраняя покой и могилу отца.

Тенгиз Абуладзе предложил своему герою иной маршрут — дорогу зла и греха. Какое уж тут очищение! И не только ему. Режиссер произвел на экране внутренний мир сироты Кети. С помощью фантастических видений, поэтических метафор, которые чудовищны для урядной бытовой «реальности», художник рассказал о том, что душа ее соткана мутью: к ужасу родни покойного и всех горожан, Кетаван Баратели выкапывает покойника из могилы. «Надо знать, как относятся в Грузии к обряду похорон и погребения, чтобы понять, что хуже опозорить нельзя, — писал в свое время тот же Лакшин. — Но есть и другой, метафорический смысл этого эпизода, воздаяния за прошлое — лишение народного признания». А если задаться вопросом: не этим ли ужасом, и не только родных, — всех, в ком теплится искра Божия, вызван был интерес к «Покаянию»?

В нормальных людях все в душе восстанавливалось, все ждало белы. И она наступила. Спросите сегодня любого, кто приезжает из Грузии, — в стране, где всегда слово старшего было законом, теперь стари-

ков и в расчет не берут... И льется, льется кровь без конца и края.

Не случайно, наверное, что в наших раздумьях о творчестве Т. Абуладзе присутствует имя Шекспира — масштабы человеческой драмы, которые взялся осмыслить художник, иным пером не опишешь. И уместно ли было здесь, где речь идет о миллионах заблуденных жизней, прибегнуть к «печальной фантазмагории» или «литерическому трагифарсу» или «может быть, «гротескной трагикомедии», как сам Тенгиз

— Я — Торнике Аравидзе. Я внук Варлама Аравидзе. — Что вам угодно от меня? — без тени удивления спрашивает Кети.

— Я пришел... Я пришел просить у вас прощения.

Легкая героическая усмешка скользнула по губам женщины.

— Я же не господь Бог, чтобы грехи отпустить?

— Я стрелял в вас. Я — убийца.

— Боже мой, под какой роковой звездой я родилась, — вздохнула Кети. — Даже тебя, невинного мальчика, в убийцу превратила...»

Это опять из сценария. Это то, что задумано автором фильма и точно исполнено, если верить восторженным откликам прессы: «Счастливый человек Тенгиз Абуладзе... Какое внутреннее освобождение, наверное, он пережил, сказав то, что хотел сказать». Нет, не прошел сердцем художник страшной судьбы созданных им героев, не подсказала мятущаяся душа пути к прощению. И он приводит Торнике к самоубийству. Но это не просто печальный финал самого Аравидзе. Тенгиз Абуладзе стремился к выводам и обобщениям. И образ Торнике стал обобщенным образом молодости Грузии — каким страшным предостережением оказался фильм «Покаяние». Почему? Ответ можно найти в интервью «Литгазете» самого Абуладзе, данным им в далеком уже теперь, 1987 году: «В сцене храма, как вы, наверное, помните, по радио звучит текст предсмертного интервью Альберта Эйнштейна, который мы можем считать завещанием великого ученого...»

Так к какому же храму звал одуревших от ужаса зрителей автор «Покаяния»? К храму, где вместо Христа главенствует Эйнштейн?

Ретроспективный показ «Покаяния» — на фоне утопающей в крови Грузии, на фоне разрушенного Союза мирных республик, на фоне летящих голов памятников, разрываемых вандалами могил. Страшный итог. Почему же изменило прозрение талантливому режиссеру Т. Абуладзе?

В свое время в его фильме «Древо желаний» прозвучала тоска по утраченной гармонии, изначально заложеной в человеческой натуре. Это чувство гармонии великолепно блистательно проявилось в фильме «Мольба», где средствами искусства Абуладзе выразил мудрость грузинского народа, воплощенную в стихах Важа Пшавелы:

...Страшен человек бездушный, Вживе схожий с мертвецами — Жизнь его навеки застыла Голым горным ледником. Он не пожалеет брата, Предаваемого казни, На горе высокой страсти Он не встанет никогда.

Прав был Тенгиз Абуладзе: сначала «Древо желаний», потом «Покаяние», далее, в качестве финала «Мольба», настолько современно звучит этот фильм.

Да, страшен человек бездушный.

«Одиночная тюремная камера... Дверь со скрипом отворилась. Вошел Торнике.

Галина ОРЕХАНОВА.